

Частный детектив
Татьяна Козлова

МАРИНА СЕРОВА

Месть
Гиппократа

АСТ

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Месть Гиппократа

«Научная книга»

Серова М. С.

Месть Гиппократ / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Пустячное на первый взгляд дело об убийстве старушки – а частный детектив Татьяна Иванова почти сразу же отбросила версию о естественной смерти – оказывается столь сложным и запутанным, что ей приходится то и дело обращаться за подсказками к гадальным «косточкам». Они советуют ей то помнить о прошлом, то попросить помощи у верных друзей, то больше полагаться на интеллект.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Месть Гиппократ

Глава 1

Утро. Солнце за окном. Капель с крыши и ручьи на асфальте. Пробуждение природы.

И хотя у зимы еще есть силы и возможность покапризничать, по-весеннему яркое солнце радовало.

– Все, Танька, хватит спать. Пора восстанавливать форму.

Я отошла от окна, сбросила тяжелый махровый халат и, оставшись в майке и шортах, включила музыку. Только она сможет меня расшевелить. Разминка «а-ля горох в кастрюле» всегда задавала тонус моему организму.

– Кофе с тостами, Танюша, и вперед.

Позавтракав и одевшись, я достала мешочек с заветными магическими косточками и уселась в кресло. Я их всегда и везде таскаю с собой. Они, родные, со мной во всех переделках побывали. Привыкли, бродяги, путешествовать. И всегда меня из беды вытаскивают своими мудрыми советами.

Так что почти лучший детектив Тарасова Танька Иванова и магические косточки – неразлучны. И если бы я когда-нибудь от них отказалась, мои клиенты удивились бы так же, как клиенты Шерлока Холмса, увидев его без заветной трубки.

Я вытряхнула косточки из уже изрядно потрепанного замшевого мешочка на журнальный столик. Гаданье заключается в следующем: надо задать самый волнующий вопрос и, перемешав кости, бросить их. Выпадает определенная комбинация, а книжка с толкованиями дает ответ. Я редко снимаю с полки этот томик, и то не для себя, а для других – я-то его содержание знаю как дважды два.

Мои клиенты сначала по-разному относятся к такой причуде: одни, возможно, мысленно крутят пальцем у виска, другие просто снисходительно улыбаются. Но в конечном итоге и те и другие приходят к мнению, что в этом все-таки что-то есть, чертовщинка какая-то.

Сегодня я собралась начать новую жизнь и резко сократить потребляемые калории, а мой организм настоятельно требовал шоколада. Решить эту проблему самостоятельно, без помощи косточек, было выше моих сил.

И я, задав этот чрезвычайно важный для меня вопрос и перемешав кости, бросила их на журнальный столик.

17+12+30 – «Если между вами есть любовь, поживите друг без друга».

– Ага, вот так, значит. Пожить без шоколада? А можно вообще-то найти компромиссный вариант. К примеру, взять коробку конфет и зарулить к Ленке-француженке. Тогда калории на двоих поделятся.

Ленка – моя одноклассница и подруга. Обычно мы с ней не очень часто общаемся. У нее есть привычка, которая мне не слишком нравится: заглянув ко мне в гости, она может в итоге зависнуть у меня часиков этак на семь, к примеру. А поговорка гласит, что «гость, пробывший в квартире больше трех часов, считается хозяином». Вот и получается, что, посещая меня, Ленка так и метит в хозяйки. Но вообще-то она человек хороший, душевный, поэтому мне приходится терпеть многочасовые беседы.

Однако, как человек занятой, я обычно стараюсь, чтобы наши посиделки происходили не так уж часто. И после очередного длительного общения я ухожу в подполье: не звоню, не появляюсь, а ее попытки напроситься в гости решительно пресекаю, ссылаясь на занятость. Совсем недавно Ленка и ее отец мне здорово помогли. Я была ей очень благодарна и сегодня

не возражала бы с ней пообщаться, но только на ее территории. Там я смогу прервать процесс общения тогда, когда мне этого захочется.

Все, покупаю коробку конфет и еду делиться с Ленкой калориями. Решено. Но только чуть позже. Сейчас Ленка прививает своим подопечным любовь к французскому языку. А я займусь собой.

Я надела пальто из кашемира горчичного цвета и, прихватив ключи от машины, напевая, вышла из дома.

Мой путь лежал в салон красоты – Светка дала добро и уже меня поджидала.

* * *

– Танечка, привет, милая. Как дела?

– Нормально. Решила вот собой заняться.

– Хорошая мысль. Молодец. Стрижку?

Я кивнула. И Светка принялась священнодействовать.

– Ну вот, полюбуйся. Укладку делаем?

– А почему бы и нет?

– Вот и правильно. К весне надо заранее готовиться. – Она включила фен.

Минут через пятнадцать мое настроение еще больше поднялось.

– Золотые руки у тебя, Светик. – Из зеркала на меня смотрела очень даже симпатичная Таня Иванова.

После салона красоты я обзавелась в супермаркете коробкой конфет и пообедала в кафешке тут же, рядом. Сев в машину, я достала мобильный телефон и закурила «Мальборо».

Немного поразмыслив, я решила позвонить в школу и узнать, когда закончатся уроки у Елены Михайловны. Сделаю ей сюрприз. Встречу ее в кои-то веки у школы и подброшу домой. Там и займемся распределением калорий. Оказалось, что у Елены Михайловны методдень, и в школе она сегодня не появлялась.

Вот тебе и детектив с феноменальной памятью. Давно пора зарубить себе на носу, что в среду у Ленки методический день, который она обязана посвящать расширению своего кругозора и изучению дополнительной специальной литературы, то есть совершенствоваться.

Но кто же лучше меня может знать, как плодотворно она использует этот день? Ведь именно по средам чаще всего она меня и навещает. В моей квартире теперь небось телефон дымится. Что ж, позвоню ей домой. Удостоверюсь в своей правоте. Я толкала сигарету в пепельницу.

– Лена? Привет!

– Господи, Тань, ну где ты шляешься целый день? Я тебе названиваю, названиваю. А тебя все нет и нет. Я уж и в квартиру звонила, и по мобильному пробовала.

– Мобильный у меня в бардачке отдыхал, пока я своей персоной занималась. У меня сегодня день здоровья и красивых волос.

– Ты не заскочишь ко мне?

– Да я как раз к тебе и собиралась, – поведала я о своих благих намерениях.

– Ну вот и прекрасно. Мы тебя ждем. – И положила трубку. Я даже не успела выяснить, кто это – мы.

* * *

Ленка открыла мне дверь, держа на руках свою любимицу, многоцветную кошку Маруську, которую я недавно ей подарила.

– Танечка, привет! Выглядишь потрясающе, прямо отпад, – затараторила подруга.

– Еще бы. Я на себя, родную, сегодня почти полдня потратила.
Я сбросила пальто и повесила его в шкаф.

– Идем на кухню. – Ленка выключила свет в прихожей. Я прошла и села на табуретку, а Ленка, опустив Маруську на пол, захлопотала, загромычала чайником.

Все душевные беседы проходят у нас с ней на кухне. И в моей квартире, и в ее.

– А кто это «мы тебе звонили»?

– Как кто? Мы с Марушкой, конечно.

Я рассмеялась. Вот, оказывается, что означало таинственное «мы».

Маруська преданно терлась о Ленкины ноги и, блаженно жмурясь, громко мурлыкала, мечтая, наверное, оказаться на теплых коленях своей опекуни.

– Бутербродики с колбаской будешь?

– Да ты не суетись, Ленок. Я только что пообедала, во-первых. А во-вторых, я решила похудеть. Дело к весне, так сказать. А мне скоро в короткой юбке показаться будет стыдно. Я только чайку попью. У меня как раз кое-что к чаю имеется.

Я вышла в прихожую и, достав коробку конфет, вернулась.

– Вот. Кости мне, правда, рекомендовали пожить без шоколада. Но если уж очень хочется, то делать нечего.

– Ты, Тань, насчет похудения не загоняйся. Тебе ли страдать по поводу фигуры. Как говорится, не гневи бога, подружка. Тебе просто делать нечего. Так я нашла тебе занятие.

– Вот спасибо, заботливая ты моя. И чем же ты предлагаешь мне заняться?

– А я тебе клиентку нашла. Поэтому и звонила тебе весь день. Она просила меня предварительно переговорить с тобой.

– А что за клиентка?

– Да соседка моя, Наташа. У нее бабушка умерла. Она это дело хочет расследовать. Только сразу у нее таких денег нет. Если не возражаешь, она тебе постепенно отдаст. Ну а если ей достанется бабушкина квартира, то, разумеется, с оплатой она затягивать не будет.

Мой появившийся в начале этого монолога энтузиазм сразу поубавился – я предпочитаю предоплату. Или на худой конец – аванс.

– Так как? Берешься? – Ленка наконец-то закончила приготовления к чаепитию и села.

Маруська тут же вопросительным «мяу?» поинтересовалась, разрешает ли ей хозяйка прыгнуть на колени.

– Ну, иди, иди, конопущечка. Какая же ты лапочка! – проворковала Ленка и, приподняв кошку обеими руками, чмокнула в пеструю мордашку.

– Лен, ты же знаешь мои условия. Может, твоя клиентка мне эти деньги два года потом отдавать будет.

– Тань, ну это же моя соседка. Мы с ней дружим. Сделай ради меня, а? К тому же, на мой взгляд, дело очень интересное. И милиции не по зубам.

– Льстишь, поганка.

– Давай я позову ее, а, Тань? – Светка опустила Маруську на пол и встала.

Я с грустью взглянула на коробку с конфетами. Придется рекомендации костей подкорректировать: калории теперь разделятся на три части, а не на две, как я планировала.

Через минуту Ленка вернулась с соседкой. На вид ей было лет двадцать пять. Сероглазая хрупкая девушка была одета в домашний фланелевый халат. Белокурые волосы заплетены в косичку. Она смущенно улыбалась.

– Таня, это моя соседка Наташа. Она тебе все расскажет. А эта очаровательная блондинка, – Лена указала в мою сторону, – лучший детектив города Тарасова Таня Иванова.

– Очень приятно. Только Лена мне льстит. Лучший – это громко сказано. Один из лучших – так гораздо скромнее.

– Мне тоже очень приятно, Таня, – Наташа смущенно улыбалась.

– Садись, Наталь. – Лена пододвинула ей табуретку. – Чайку попьем. Заодно все и расскажешь.

Она достала еще одну чашку и налила в нее чай.

– Угощайся.

Наталья почему-то чувствовала себя явно не в своей тарелке. Она положила в чай две ложечки сахара и пила его теперь медленно, маленькими глоточками.

– Наташ, я вкратце так рассказала Татьяне, в общем, самую суть. Остальное сама рассказывай.

– Вы согласились мне помочь, Татьяна?..

– Александровна... – добавила я. – Но вы зовите меня просто Таней. Мы же с вами, по моему, одного возраста. Вы все очень подробно расскажете, и я подумаю: сумею ли я вам чем-нибудь помочь.

– А Лена предупредила, что я не потяну всю сумму сразу? – Девушка смущенно улыбнулась, отхлебнув в очередной раз из чашки.

– Предупредила.

– И все равно согласны взяться за это дело?

Ленка слушала нас молча, усиленно поглощая конфеты.

– Я пока ничего не решила. Вот расскажете все поподробнее, тогда и посмотрим.

– А может быть, Таня, вы тогда ко мне зайдете? А то я боюсь, что Юлька проснется, напугается. Это дочка моя, ей два годика. – Наташа снова улыбнулась.

– Какая квартира?

– Да вот, напротив Елениной двери.

– Хорошо. Я сейчас зайду.

– Так я вас жду. Вы не торопитесь. Попейте чайку, поболтайте с Леной, а потом зайдете. Я все равно дома. Я подожду.

Наташа поднялась и вышла. Ленка закрыла за ней дверь и вернулась к столу.

– Понимаешь, Тань, какая ерунда. Горячо любимая бабушка вдруг ни с того ни с сего изменила свое завещание в пользу сиделки. Я ей говорю: «Может, у бабульки просто крыша поехала?» А она: «Нет, такого не может быть. И вообще, в смерти бабушки что-то не так». В общем, разберись. Наталья хорошая женщина. Добрая. Ты уж постарайся.

– Ладно, сердобольная ты моя. Посмотрим. Ты хоть про себя-то расскажи. Чем занималась все это время?

– Чем-чем. А то ты не знаешь.

Я сама позволила Ленке сесть на любимого конька и теперь должна была запастись терпением. Ее понесло по кочкам. Похоже, бедной Наталье ждать придется долго. Но так уж устроена Ленка, помешанная на своей любимой работе, которая была частью ее жизни. Причем большей, надо сказать, частью. Часа полтора я слушала ее школьные истории, умудряясь только кое-где разбавить ее речь своими репликами, вроде: «Хм. Угу. Да, конечно. Разумеется».

Потом роль пассивного слушателя мне до невозможности наскучила, и я исподтишка стала поглядывать на часы.

Ленка это заметила и верно среагировала:

– Ладно, Тань, заболталась я совсем. Ты-то как?

Я в подробности вникать не стала. Да и какие могут быть подробности при обломовском образе жизни?

– Все нормально, – заверила я. – Классно побездельничала. Пожалуй, мне пора, Лен. Наталья, наверное, заждалась. – Я поднялась и вышла в прихожую.

Ленка, опустив с колен мирно дремавшую Маруську, вышла меня проводить.

– От Натальи зайдешь, расскажешь, как договорились?

Я пожала плечами, набрасывая пальто.

Глава 2

Звонок в Натальину дверь. И вслед за нажатием кнопки раздалась электронная мелодия «Калинки». За дверью послышались шаги, плач ребенка. Наталья открыла дверь, держа на руках белокурую малышку. На девчужке были лишь трусики и маечка. Она, видно, только что проснулась, и настроение, естественно, было скверное. Малышка хныкала и терла глаза ручонками.

– Проходите, Таня. Пальто вот сюда, в шкафчик. – Мы прошли с ней в комнату, где царил полумрак.

Квартира Наташи была однокомнатной. Скромная, но довольно милая обстановка. Слева от двери – Юлькин уголок. Там я увидела кроватку с пологом. К стене приделана лесенка, а с потолка свисал канат. То есть о физическом развитии ребенка здесь явно заботились. В углу около кровати восседал серый медведь гигантских размеров, ростом приблизительно в две Юльки. Напротив двери располагалась стенка черного цвета, основным содержимым которой были книги.

В углу на журнальном столике стоял небольшой цветной телевизор «Горизонт», у другой стены – диван, застеленный ковровой накидкой. Кресла в квартире отсутствовали, вероятно, за неимением свободных квадратных метров. И несмотря на явную тесноту, квартирка выглядела очень мило.

Наташа раздвинула полупрозрачные шторы, которые были задернуты во время Юлькиного сна, и указала мне на диван:

– Садитесь, Таня.

Я присела на диван, а Наташа извлекла из шкафа детские вещи и стала одевать Юльку.

– Пожалуйста, подождите минутку, Таня. Сейчас я закончу.

– Ничего, ничего, не торопитесь. У меня сегодня все равно день визитов.

Наташа облачила Юльку в платьице, натянула колготки и опустила девчужку на палас. Затем принесла ей с кухни печенье.

– На, моя сладенькая, пожуй пока.

Юлька занялась печеньем, с любопытством изучая меня. В ее огромных голубых глазах еще стояли слезы.

– Юля – хорошая девочка. – Это была робкая попытка с моей стороны наладить контакт с девочкой. Ничего умнее я придумать не могла: навыка общения с малышами у меня, к сожалению, не было. И первый такой опыт мне явно не удался: девочка громко разревелась.

– Юлька, ну ты чего это хулиганишь? Ну, смотри, какая тетя хорошая. Это тетя Таня. На тебе лялю. Смотри, какая ляля.

– Ляля, – повторила девчужка и улыбнулась. Я улыбнулась тоже и цокнула языком. Девочка расхохоталась.

– Гас, – сообщила мне малышка, ткнув куклу пальцем в глаз.

– Да, это глазик. А где у ляли носик?

Малышка указала местонахождение последнего и, улыбаясь, уставилась на меня.

Пообщавшись со мной еще немного, Юлька наконец-то занялась игрушками. И мы с Наташей получили возможность заговорить о деле.

– Так что за историю вы хотели рассказать мне, Наташа?

Наташа порывисто вздохнула.

– Пожалуй, будет лучше, если я покажу вам бабушкины фотографии и расскажу, какой она была. А уж потом о событиях, которые произошли совсем недавно. И вы сопоставите. Ведь, не имея представления о человеке, труднее предположить, на что он способен.

Рассудительность Наташи мне понравилась, и я одобрительно кивнула.

– Хорошо. Давайте так, если вам удобно.

Наташа поднялась и направилась к стенке. Встав на стул, она достала несколько альбомов. Затем снова села рядом со мной.

Наташа открыла первый альбом и, перелистав несколько страниц, сказала:

– Здесь бабушке восемнадцать лет.

Я взглянула на черно-белое фото. На нем в полупрофиль была изображена белокурая, как Наташа, девушка в маленькой шляпке. Из-под шляпки выглядывала уложенная колбаской коса.

И глаза такие же огромные, как у Наташи и Юльки, обрамленные загнутыми вверх длинными ресницами. Девушка мило улыбалась.

– Симпатичная у вас бабушка, Наташа. А вы с Юлькой из родни в родню, обе на нее похожи.

Наташа улыбнулась.

– Да нет, это вы Валерку не видели еще. Юлька – копия его.

Малышка поднялась с паласа и, подойдя к матери, стала тянуть у нее из рук альбом.

– Дай, дай, – лепетала она.

Я вдруг поняла, что такими темпами мы, пожалуй, лишь через месячишко до сути дела доберемся. И меня осенила грандиозная мысль. Ленке все равно делать нечего. Пусть повышает свой профессиональный уровень. И я внесла предложение:

– Наташа, а может быть, Лену попросить с Юляшкой посидеть? А то мы не сможем сосредоточиться.

– Хорошо. Я сейчас попробую.

Наташа поднялась и направилась к двери. Девочка, хныкая, увязалась за матерью.

Я подхватила ее на руки и закружила по комнате:

– Самолетик, самолетик, у-у-у.

Она захохотала. Наташа вернулась с Ленкой, и подруга взяла у меня из рук ребенка.

– Юленька, пойдем к тете в гости. Тетя тебе кису покажет. Пойдем, мы с тобой чай пить будем. Я тебе наку дам.

Малышка радостно заулыбалась.

Наташа накинула Юлке на плечики байковое одеяльце, и Ленка, забрав девочку, отправилась повышать свой профессиональный уровень.

Я облегченно вздохнула. Конечно, я обожаю детей, но представить себя вот так полностью связанной по рукам и ногам мне трудно. Поэтому я предпочитаю любоваться чужими детьми – и то не слишком долго и в свободное от работы время.

Мы снова уселись с Наташей на диван. Я перевернула страницу альбома, а Наталья продолжила свой рассказ:

– Она у меня закончила вокальное отделение сначала в музучилище, а затем в консерватории. Она солисткой в театре была до аварии.

– Какой аварии?

– Это потом. Я тоже вам расскажу. Сейчас просто хочу, чтобы вы поняли, какой была моя бабушка. Это была интеллигентная женщина в самом лучшем смысле этого слова. И меня любила до безумия. Кроме меня, у нее никого не было. Дедушку я не помню. Он погиб на фронте.

– Солидная была у вас бабушка, – я рассматривала фотографию, на которой была снята сцена из «Травиаты»

– Да, это верно. Раньше ее весь Тарасов знал. Но я, к сожалению, не видела ее на сцене. Мне было два года, когда мы всей семьей попали в автомобильную аварию.

А дело было так: мы возвращались с моря, и наша машина столкнулась с грузовиком. Родители погибли сразу. Бабушка тоже сильно пострадала: черепно-мозговая травма. Она

несколько лет была на инвалидности. И тем не менее продолжала меня воспитывать. Бабушка была сильным человеком.

Она прочитала где-то о системе Бутейко и стала усиленно заниматься. Ей это здорово помогло: инвалидность сняли. Бабушка вернулась к работе. Но уже не пела, а работала в консерватории преподавателем по постановке голоса. Работала практически до глубокой старости. Когда мы поженились с Валеркой, она сама настояла, чтобы мы разменяли трехкомнатную квартиру на две однокомнатные.

Я листала альбом, продолжая знакомиться с историей Наташиной семьи.

– Так вот, моя бабулька была добрейшим, умнейшим человеком. Нас всех троих просто обожала. И терпеть не могла обременять окружающих ее людей. А полгода назад у бабушки случился инсульт. Для нас это было ударом. Я не ожидала, честно говоря. Но врачи говорят, что это последствие травмы. Мы сразу предложили ей съехаться. Но бабуля в этом вопросе была непреклонна.

«Рано вы меня на берег списываете. Я еще вас на Юлькиной свадьбе переpleшу. Обузой никогда никому не была и не буду. Найдите мне сиделку. Ваше дело молодое. Мешать вам я не буду», – сказала она мне тогда и еще Пушкина процитировала... Насчет «ему подушки поправлять». «Живите, – говорит, – как живете. А умру – все вам достанется». Одним словом, съезжаться она категорически отказалась.

Мы с Валеркой обратились в «Маму-плюс», наняли медсестру. Очень приятная девушка. Бабушка была очень довольна. Ну и сами по мере возможности помогали ей, чем могли: стирка, глажка, уборка. Готовить я к ней бегала: Юльку под мышку – и вперед.

Она и в самом деле через три месяца поднялась, стала ходить. Только правую ногу при-волакивала. И правая рука у нее не действовала. А потом та медсестра уволилась из фирмы. И поскольку предложение съехаться или переехать к нам бабушка вновь отвергла, мы нашли ей новую медсестру.

Красивая, обходительная девушка. Она бабулю просто очаровала. Та только о ней и говорила: «Галочка, Галочка». Галя и массаж ей делала, и готовку на себя взяла. И вроде бы дела у бабушки шли неплохо, она нормально себя чувствовала. Все о каком-то сюрпризе говорила: «Я, Наташенька, вам сюрприз готовлю».

Нам с Валеркой было ужасно любопытно. Мы все ее пытали: «Ну ты, бабуль, хоть намекни». А она в ответ: «Сами скоро увидите». А две недели назад бабушки не стало. Такая глупая, нелепая смерть. – Наташа опять замялась.

– То есть?

– Понимаете, Таня, она утонула в тарелке с супом.

Тут и у меня, выдавшей виды Таньки Ивановой, глаза полезли на лоб.

– Как это утонула в супе?

– Очень просто. Когда пришла Галя, бабушка сидела на кухне за столом, уткнувшись лицом в тарелку с супом.

– И?

– И Галя, разумеется, сразу кинулась за соседями, потом вызвала милицию. Было проведено расследование. Смерть бабушки квалифицировали как несчастный случай. В ходе расследования выяснилось, что квартиру бабушка завещала Гале.

– Вы подозреваете, что Галя убила вашу бабушку?

– Таня, я ничего не знаю. У Гали железное алиби на момент смерти. Она в это время находилась в фирме. Сотрудники это подтвердили. Соседи до прихода Гали не видели ни входящих, ни выходящих от бабушки.

– А как Галя вошла в квартиру?

– У нее был свой ключ, разумеется.

– В чем вы видите мою роль, Наташа? Вы собираетесь опротестовать завещание?

– Таня, если бабушка действительно решила, что это справедливо, я не буду его опротестовывать. Но я не верю, что она могла так поступить. Слишком она нас любила, во-первых. Во-вторых, если бы она приняла такое решение, то поставила бы нас в известность.

– Может быть, Ангелина Васильевна просто не решилась вам об этом сказать?

Наташа отрицательно покачала головой.

– Нет, это исключено. Да и уж очень странно все. Что-то мне не дает покоя. Факты некоторые.

– Ну, какие факты, например?

– Ложка... Она была в правой руке.

– То есть?..

– Да, Тань, ложка была в правой руке. А, как я вам уже говорила, правая рука у бабушки не действовала.

– А может, ей к тому времени стало лучше, и она пыталась заставить свою парализованную руку работать.

Наташа энергично покрутила головой.

– Нет. Мы с Юлькой в то утро навещали ее. Все было как обычно.

– Да-а. Тяжелый случай. То есть, если я правильно поняла, вы считаете, что бабушку убили?

– Да, мне так почему-то кажется. Зрелище, конечно, было ужасное. У меня просто в голове не укладывается. Я не верю, что это могло произойти случайно.

– Вы же сами сказали, что бабушка была больна. Может, случился повторный инсульт.

– Но вскрытие этого не показало. И вообще, я сердцем чувствую, что здесь что-то не так. Завещание, о котором она нас не предупредила, ложка в правой руке и смерть из-за попадания жидкости в дыхательные пути...

– Вообще-то, действительно все очень странно.

– Одним словом, я поделилась своими сомнениями с Еленой, и она посоветовала мне обратиться к вам. Вчера она мне о вас много порассказала. Последние две недели было не до разговоров: похороны, допросы. Короче, мы крутились как белки в колесе. А вчера я к ней зашла вечером, и мы проболтали часов до двух ночи. Юлька с Валеркой спали, а мы с Леной у нее на кухне пили чай и разговаривали. Так как, Таня, возьметесь за это дело?

– А Лена сказала вам, что мой гонорар – двести долларов в сутки, не считая текущих расходов? Я не гарантирую быстрого расследования. И не совсем уверена, что квартиру получится отстоять.

– Я понимаю, Таня. И про гонорар знаю. Но у нас с Валерой есть немножко денег. Зарабатывает он неплохо. Они телефоны проводят. В общем, два дня вашей работы я смогу оплатить сразу. А остальное – постепенно. Бабушка была мне вместо мамы. Я ее очень любила. И хочу знать наверняка, была ли ее смерть случайной.

– Понятно. Я подумаю немножко, Наташа, хорошо? Дайте мне номер вашего телефона, и утром я позвоню.

Наташа встала с дивана, открыла секретер, достала ручку и блокнотик и, выдернув из него листок, написала номер. Затем протянула его мне.

Я сложила листок вчетверо и поднялась.

– Наташа, хочу предупредить: если, расследовав дело, я приду к выводу, что смерть Ангелины Васильевны – несчастный случай и с завещанием все чисто, вам все равно придется оплатить мой труд. Этим я зарабатываю себе на жизнь.

Женщина кивнула:

– Я понимаю. Завтра приготовлю деньги.

В дверь позвонили.

– Ой, это, наверное, Валерка с работы вернулся, а у меня, кроме вчерашнего супа, нет ничего.

Она открыла дверь, и в прихожую шагнул молодой плечистый шатен. Взглянув на него, я сразу мысленно согласилась с Наташей относительно того, на кого же похожа Юлька. Он улыбнулся.

– Привет, солнышко. У нас гости?

– Привет. Да, это Таня Иванова, лучший детектив Тарасова. Помнишь, я тебе утром говорила?

– Помню, конечно. Очень приятно с вами познакомиться. Я еще никогда не встречался с частными детективами.

– Мне тоже приятно. – Я с улыбкой наблюдала за его манипуляциями с курткой. В передней с его появлением стало тесно, как в трамвае. Мне пришлось отойти к дверям комнаты.

– Натанчик, есть хочу, давай картошку жареную соорудим. Вы не против, Таня?

– Я уже уйду.

– Оставляйтесь, а то жалеть будете. – Он подошел к зеркалу, пригладил взъерошенные волосы. – Оставляйтесь, Таня. Мы все как раз обсудим.

– Спасибо, но мы, в принципе, уже все обсудили. Завтра утром я сообщу, возьмусь ли за это дело.

– Таня, мы с Наташей на сто процентов уверены, что бабулю убили. Но кто это сможет доказать, если не лучший детектив города? Мы очень надеемся, что вы не откажете нам.

– Подумаю, – я взялась за ручку двери. – До завтра.

И вышла.

* * *

Сев на водительское место, я завела движок, включила печку и зябко поежилась:

– Вот противное время года зима.

Я включила дворники. И, подождав немного, выключила их – бесполезная трата времени. Прихватив тряпку, я вышла, чтобы очистить стекла.

– Вот так, ласточка моя, теперь поехали домой.

Что-то мне тоже жареной картошечки захотелось. И хоть это желание явно противоречит моим твердым намерениям похудеть, похоже, отказать себе, родной, в такой мелочи я не в силах.

Поставив машину в гараж, я вернулась домой и с энтузиазмом принялась готовить картошку.

– Да, Таня, похудеешь ты, конечно, с таким питанием: то тебе шоколадку хочется, то картошечки жареной. Возьми и проверь себя на наличие силы воли: пожарь картошку и угости ею соседку.

Но картошечка так приятно шкворчала на сковородке, так восхитительно пахла, что проверку на наличие силы воли я с треском провалила. И довершив это варварство чашкой крепкого кофе, я уселась с книгой в кресло, включив напольный торшер.

Из головы не шла история, рассказанная Наташей. Я не дала еще официального согласия заниматься этим делом, но в клетках серого вещества эта история поселилась прочно. И потому ни о чем другом я думать не могла. Я перебрала в уме все подобные истории, прикидывала, как мог действовать убийца. Но ничего умного в голову не приходило.

– Бред сив кейбл – как говаривали мы в студенческие годы. – Ложка в правой руке, и это все, что мы имеем. Завещание Ангелина Васильевна могла переоформить в порыве благодарности...

Нет, это не похоже на старушку, судя по рассказу внучки. Ее материнское чувство к Наташе, ее здравомыслие и порядочность не позволили бы так поступить. И еще: сюрприз. Что она имела в виду под этим? Может, как раз новое завещание? Исключено. Садистских наклонностей у старушки не было.

Я вернулась на кухню, достала из пачки «Мальборо» и, прикурив, с наслаждением затянулась.

– Ну, думай, Таня, думай. Или кости брось.

Так и сделаем.

Я положила сигарету на край пепельницы и принесла из комнаты кости.

Перемешав кости, я задала мучивший меня вопрос: «С чего же мне начать, косточки? С какого края?» И бросила кости на стол левой рукой, от сердца, так сказать. 4+20+25 – «В принципе нет ничего невозможного для человека с интеллектом».

Вот так, значит! А что же мне мой интеллект диктует? На данном этапе лишь то, что надо превозмочь себя и решиться помыть сковородку. Иных свежих мыслей нет.

Лениво поднявшись, я совершила этот подвиг и подумала, что надо позвонить Кирсанову, моему однокурснику, которого все мы дружно именовали Кирей. Наверняка майору УВД данного района что-нибудь известно об этом деле. Я взглянула на часы. Было восемь вечера.

* * *

– Слушаю, – отозвался приятный женский голос.

– Здравствуйте. Не могли бы вы пригласить Владимира Сергеевича?

– Минуточку.

– Слушаю вас.

– Здравствуй, Володя. Как жизнь молодая?

– Тань, ты, что ли?

– Собственной персоной. Приятно, что меня узнают по голосу.

– Еще бы. Мне твой голос скоро в ночных кошмарах будет сниться, сладкая ты моя.

Я засмеялась.

– Это почему же, Киря?

– Сама знаешь. Небось ведь опять неспроста звонишь? Наверное, очередное приключение на энное место надыбалась? Я прав?

– Почти.

– Не темни. Выкладывай, что на сей раз тебе от старого друга надобно. А то звонишь в неурочный час, от ящика отрываешь, а потом тянешь резину. А там боевик идет интересный.

– Тебе в жизни боевиков, конечно, не хватает?

– А ты разве не знаешь, как приятно побыть просто зрителем?

– Знаю. Но я позвонила, конечно, не для того, чтобы послушать рекламу боевика. У меня к тебе просьба.

– Это уж как водится. Это нам известно. Излагай, и покороче.

– Киря, ты помнишь дело, где старушка в тарелке с супом захлебнулась?

– И что? Дело закрыто. Квалифицировали как несчастный случай. У бабушки был инсульт.

– Я это знаю. И хотела бы эти материалы завтра посмотреть. Посодействуешь?

– А что тебя там заинтересовало? Дело даже на доследование, как просила внучка, не отправили.

– Ну вот такая я любознательная. Интересуюсь в познавательных целях. Кругозор расширяю. Так поможешь?

– Предоплата натурпродуктами, и дело в шляпе.

– Идет. Водка годится?

– Ребята, вообще-то, коньячок предпочитают. Но если гонорар не позволяет, то и от водки не откажутся.

– Вот и славненько. Во сколько удобнее мне подгрести?

– Часиков этак в десять-одиннадцать. Годится?

– Это мое любимое время. Буду. Спокойной ночи и привет семье.

– До завтра.

Я повесила трубку и вернулась к своей книжке. Но, черт возьми, мозги искрили. Я отложила ее и включила телевизор.

Пощелкав кнопками на пульте, я обнаружила на местном канале фильм «Привидение». Классный фильм. Мне очень нравится. И хоть я его смотрела много раз, все равно решила: это то, что надо. Отвлекусь.

Глава 3

Седая старуха с растрепанными волосами шла мне навстречу. Безумный взгляд устремлен куда-то сквозь меня. Левая рука с забинтованными средним и безымянным пальцами прижата к груди, правая тянется ко мне.

– Это ты, ведьма? Это ты его убила. – Тихий голос старухи звучит зловеще.

Я в страхе отступаю на шаг.

– Когда ты приходишь, за тобой катится целый клубок змей. Они все вот там у меня под кроватью. А Сашка на моей кровати лежит, весь в крови, и пистолет рядом валяется. Это ты его, ведьма, убила.

– Я хоть и ведьма, но никого не убивала. – Я снова делаю шаг назад... и лечу вниз головой. Вздвогнув, я проснулась как раз в тот момент, когда на экране юноша с лучистым взглядом отбивал на небеса.

– Фу, елки-палки. Вот что значит картошечку на ночь трескать. А потом еще фильмы смотреть про потусторонний мир.

Я отключила свет и телевизор и, попив воды, опять улеглась.

Старуха снова приближалась ко мне.

– За тобой, ведьма, всегда змеи приползают. А вот хромой их всегда увидит. Он молодец. А ты – ведьма.

Старуха неожиданно отворачивается от меня и идет к окну. Потом призывно машет рукой, прижимая к груди левую забинтованную руку.

– Я здесь, Коля. Меня змея укусила.

Мне и страшно, и интересно увидеть, кого она зовет. И я подкрадываюсь к ней сзади и смотрю в окно через ее плечо. Земля лежит далеко внизу. Мы в квартире на седьмом этаже.

Старуха поворачивается ко мне. Я в ужасе начинаю лепетать:

– Баба Женя, это я – Таня.

Но взгляд ее все так же безумен. Она меня не узнает. И, замахнувшись, собралась ударить. Я вздрогнула и снова проснулась.

Сердце колотилось так, что того и гляди выскочит из груди. Приснившийся кошмар нарушил сон. Я встала, вышла на кухню и включила свет. Шел двенадцатый час ночи.

– Это, Танечка, тебе наказание свыше за чревоугодие и за безобразное отношение к собственной фигуре. А теперь дело можно поправить только корвалолом. И это, надо сказать, очень плохо, так как завтра будет тяжело вставать.

Я накапала в рюмку двадцать шесть капель и, разбавив корвалол водой, выпила его.

Потом докурила оставшийся «бычок» и отправилась спать. На сей раз процесс прошел благополучно, без сновидений.

Зато подъем был архисложным. Поглядывая на часы, я вновь и вновь погружалась в сон, твердо обещая себе, что через пять минут встану. Но осуществить благие намерения я смогла только без пяти девять. Долг обязывал. Я обещала Наташе, что в девять позвоню.

С охами и вздохами, проклиная судьбу на все лады, я выползла из постели и прямо в ночнушке села с телефоном в кресло.

– Доброе утро, Наташа. Это Таня.

– Доброе утро, Танечка. Юля, не стучи ложкой. – И, засмеявшись, Наташа добавила: – Это я Юльке. Она у меня бойкот объявила – кашу есть не хочет. Так что вы мне, Таня, скажете? Вы согласны?

– Я решила, Наташа. Попробую. Не знаю только, что из этого выйдет.

– Слава богу. Как нам насчет денег договориться? Может, Валерка вечером занесет?

– Приготовьте, я сама заеду, как только завершу те дела, которые наметила.

- Хорошо. Тогда до вечера?
- До вечера.

Гимнастикой мне пришлось пожертвовать. Это все-таки менее существенная жертва, чем макияж. Ведь иду в мужское общество. И времени в обрез.

Джинсы со свитером – лучшая одежда для бесконечных визитов, а мне сегодня придется заниматься именно этим. Волка ноги кормят.

* * *

В отделение УВД я прибыла в начале одиннадцатого и сразу отправилась к Кире в кабинет.

- Здравствуйте, Владимир Сергеевич.
- Здравствуй, коли не шутишь. Присаживайся.
- А накурил! С утра перекуры устраиваешь?
- Тебя жду, язва. Дело вот заодно полистал. Но я все-таки не нашел никакой зацепки. Не пойму, что тебя заинтересовало.
- Я пока еще и сама не знаю. Я же дело не видела. Посмотрю – скажу. Вот обещанная мзда. – Я выставила пакет с содержимым на стол.
- Тань, да я пошутил. Ты же знаешь.
- Ладно, шутник, не скромничай. Это тебе от благодарного друга. Ты же меня всегда выручаешь. Так что не откажи в любезности. Не дай мне почувствовать себя нахлебницей. О'кей?

Киря засмеялся.

– Косноязычием ты точно не страдаешь. Умеешь преподнести мысль так, что она собеседнику кажется логичной. Считаю, уговорила. Ладно, после работы с ребятами расслабимся. Может, присоединишься?

– Ой, нет. Это целая проблема. Я терпеть не могу ездить на городском транспорте. Так что вы уж как-нибудь сами. Без меня. Давай папку и подскажи, где я спокойно смогу посидеть, почитать дело?

– А вот прямо тут и читай. Никто не помешает. У нас сейчас все в разъездах. Мне тоже пора. Через часок загляну. Управишься?

– Пожалуй.

Киря убрал подарок друга в сейф и закрыл его на ключ.

– Трудись. Я пошел. Потом расскажешь, нашла или нет то, что искала.

Киря исчез, а я открыла дело. Первое, что я прочитала, был осмотр места происшествия.

«Труп находится в положении сидя. Нижние конечности согнуты в коленных суставах. Левая рука опущена вдоль тела, правая согнута в локтевом суставе и находится на столе. Голова пострадавшей опущена, погружена в глубокую тарелку с жидкостью. На трупе надет махровый халат в малиновую и черную полоску. Под халатом имеется ночная сорочка, белая, в мелкий цветочек синего цвета. Халат запахнут и закреплен поясом. На ногах домашние тапочки в черную и белую клетку.

Волосы пострадавшей аккуратно причесаны. Лицо бледное. Труп на ощупь холодный. Следов насилия не обнаружено.

На кухонном столе других предметов не обнаружено. Порядок на кухне не нарушен. Мебель и предметы быта находятся на своих местах».

Я отложила в сторону протокол осмотра и задумалась. Какая-то мысль меня тревожила. Действительно. Мне почему-то тоже стало казаться, что смерть старушки выглядит подозрительно. На столе, кроме тарелки с супом и ложки, ничего, даже хлеба. Или салфетки. Или ножа. Складывалось впечатление, что суп для того и присутствовал на столе, чтобы в нем утонуть.

Но возможно, что это всего лишь разыгралось мое богатое воображение. Наталья же настроила меня на определенный лад. Возможно, это и повлияло на мое восприятие происшедшего.

Ладно, читаем дальше.

Дальше были приложены результаты дактилоскопической экспертизы, которые ничего существенного следствию не дали; протоколы допроса свидетелей. Главным свидетелем по делу Храмовой А.В. проходила Юрченко Галина Николаевна, 25 лет, не замужем, проживающая по адресу: Вокзальная, 3.

Юрченко сообщала, что обнаружила Ангелину Васильевну мертвой и ничего в доме не трогала. Сразу позвала соседей и вызвала милицию. По поводу завещания Галина Николаевна сказала, что Ангелина Васильевна была ей чрезвычайно благодарна за помощь, очень к ней привязалась и часто говорила, что оставит завещание на ее имя.

Соседи сообщали, что на предполагаемый момент смерти Ангелину Васильевну никто не посещал.

Смерть Ангелины Васильевны, по данным вскрытия, наступила ориентировочно в 12.00 в результате попадания жидкости в легкие.

Гибель Храмовой квалифицирована как несчастный случай. Дело было закрыто. Вот такой расклад. Я закрыла папку и, достав пачку «Мальборо», закурила. Мне надо было дожидаться Кирию. Не бросать же дело без присмотра. Ага, вот и он. Легок на помине...

– Все мыслишь? Тайны неожиданной смерти разгадываешь? – Улыбающийся Кирия занял свое место за столом.

– Ага.

– Ну и какие выводы у лучшего частного детектива города Тарасова?

– Пока что ничего существенного. Так, попутные заметки. Убирай, Володя, дело. Я закончила.

Кирия взял папку, убрал ее в сейф.

– Ты хоть нашла то, что искала, Таня?

– Да я в общем-то ничего и не искала, просто ознакомилась с делом, над которым мне придется работать.

– Тебя внучка Храмовой наняла?

– Да. Приятная женщина. Жалко, что так вышло, и квартиру они не унаследовали. Они в тесноте живут. У них малышка.

– Сами виноваты. Надо было съезжаться со старушкой, а не бросать ее на чужих людей.

– Они и не бросили ее, Володя. Старушка сама была против обмена. И они ей сиделку наняли, постоянно навещали. Ну не хотел старый человек быть обузой молодежи – и все тут. Такая вот она по натуре была.

– По натуре. Это тебе внучка рассказывала. А вот медсестра, которая ухаживала за старушкой, говорит совсем другое. Обижалась на них бабушка, сетовала, что бросили одну ее. Постоянно жаловалась Галине Николаевне, что плохо ей одной. Просила ее бывать подольше. Та ей вслух читала книги, делала массажи. Беседовала с ней о жизни. Вот старушка к ней и привязалась.

Я вспыхнула и горячо возразила:

– Все, что ты, Кирия, перечисляешь, входило в ее обязанности. Наталья с Валерием ей за это платили. Понимаешь?

– Деньгами все не измеришь.

– Это верно. Но ты согласишься, что все-таки очень странно умерла старушка.

– А что странного? Больной человек. Села обедать, а тут ее кондратий и хватил. Мало ли бывает таких случаев.

– Странного много, Кирия. Хотя бы ложка в правой руке.

– А ты левой рукой ешь?

– Ну у нее же правая рука не двигалась! Понимаешь?

– Может, в этот день она у нее отошла...

– Если отошла, значит, наступило улучшение. С чего же тогда повторный инсульт?

– Таня, ты же знаешь, что это может случиться в любой момент. Тем более у человека была ранее черепно-мозговая травма.

– Хорошо, а жидкость в легких? Ведь старуха захлебнулась. Это вас не насторожило? Ложку в больной руке держать смогла, а поднять голову – нет. И хлеба на столе нет.

– Может, она вообще хлеб не ела? Она же раньше была артисткой. У них разные диеты, сама знаешь. Вообще-то об этом, честно говоря, речи не было.

– Тут, Киря, ты, может быть, и прав. Я выясню. – Беседуя, мы курили с ним одну сигарету за другой. В кабинете было уже не продохнуть, хоть топор вешай.

– Таня, может, чайку сообразить?

– Давай, соображай.

Киря взял пол-литровую банку и вышел. Минут через десять мы уже наслаждались крепким чаем с лимоном.

– Я взялась за это дело, Володя. Назвался груздем – полезай в кузов. Сегодня мне заплатят аванс.

– Понятно, поэтому ты и отыскиваешь кочки на ровном месте.

– Может быть. – Я поднялась. – Спасибо, Володя, за чай, за помощь. – Я взяла свою сумочку и направилась к выходу.

Вернувшись в автомобиль, я достала список с адресами, которые переписала из дела, и задумалась, куда направить свои стопы.

С самого начала необходимо было посетить место происшествия. Я хотела увидеть все своими глазами. Надо заехать к Наташе и взять ключи от квартиры.

– Так и сделаю, – вслух пробормотала я. – Заодно встречу с соседями. Итак, ласточка моя, едем на Рахова.

Квартира Ангелины Васильевны находилась в кирпичной девятиэтажке на третьем этаже.

Но начала я с соседей. Позвонила в квартиру напротив.

Приоткрыв дверь, выглянула седая пожилая женщина.

– Вам кого, девушка?

– Здравствуйте. Я бы хотела расспросить вас о бывшей соседке, Ангелине Васильевне.

– Вы из милиции, что ли?

– Да, я из УВД. – Я достала свое просроченное удостоверение, которое получила, когда проходила практику, и показала старушке. Та взяла его в руки, внимательно рассмотрела, сощурился глаза, но в силу плохого зрения ничего подозрительного не обнаружила.

Сняв цепочку, женщина впустила меня в свое жилище и включила свет в прихожей.

– Проходите. Вот сюда пальто повесьте.

Передняя была завалена картонными коробками и мешками и напоминала склад second hand. Воздух в квартире был тяжелым. Пахло старостью. Крашеный пол давно не подновлялся. Краска в некоторых местах облупилась до досок.

– Кто пришел? Кто прришел? Прроходите, – донеслось из глубины квартиры.

Я повесила пальто и прошла в комнату. Обставлена она была совсем не в стиле модерн. Старая, грязная обивка дивана и кресел протерлась до дыр. В углу у балкона стояла этажерка с потрепанными книгами. На этажерке – клетка с волнистым попугайчиком. Засаленные обои в некоторых местах висели клочьями. Слева за дверью находился еще один склад ненужных вещей, из-за чего дверь открывалась не полностью.

Запах птичьего помета в сочетании с запахом старости – это нечто, не поддающееся описанию.

– Присаживайтесь на диванчик, милая, – любезно пригласила хозяйка.

– Спасибо, – я присела на самый краешек.

– Что же вас привело ко мне? Вроде бы я все уже рассказала, что знала. Ан нет, опять прислали работника.

– Иди поцелую. Иди поцелую, – раздалось из клетки. Старушка заулыбалась.

– Это Гошка-хулиган.

– Гоша хорроший. Иди поцелую.

– Я хотела кое-что уточнить по поводу смерти Ангелины Васильевны. Если вы не против, то задам вам несколько вопросов.

– Гоша хорроший, хорроший, – не унималась птица. – Иди поцелую.

– Ну иди, иди поцелуемся. – Старушка встала, подошла к клетке и, наклонившись, потянулась к птице губами.

Та потыкалась клювом в ее губы и в порыве благодарности за внимание к собственной персоне залепетала:

– Чаю хочешь? Чай пить будем, да?

– Будем, будем. Вот только поговорим и будем пить чай. А ты, Гошенька, не мешай пока. Посиди, умница, тихонечко.

Закончив обмен любезностями с болтливой птицей, старушка обернулась ко мне.

– Идемте, милочка, на кухню. А то он, пожалуй, не даст нам поговорить. Он у меня, вообще-то, славный. Все на свете понимает птичка. Мою серую жизнь скрашивает. Не так уж много радостей в этой жизни. Идемте.

Мы прошли со старушкой на кухню. Там царила та же удручающая обстановка. Облезлый холодильник и ведро под раковиной – активно подтекала ржавая труба.

Я присела на ободранную табуретку гигантских размеров, изготовленную умельцами не знаю какого века.

– Ты че там делаешь? Чай пить будем, да? – раздалось из комнаты.

– Вот каналья. Он у меня гостей ужасно любит. С каждым побеседовать норовит.

Лицо старушки светилось любовью к надоедливой птице.

Вообще-то надо отдать старушке должное. Несмотря на тяжелый запах и кучи ненужного барахла, в квартире все же не было грязно. Когда-то эта квартира, возможно, выглядела вполне современно и была ухоженной. Но одинокая жизнь, недостаток средств к существованию и ослабевшее здоровье потихоньку делали свое черное дело. На такое существование, к сожалению, обречены все одинокие старики в нашей стране.

– Анастасия Петровна, в своих показаниях вы утверждаете, что в день смерти Ангелины Васильевны в ее квартиру никто не входил и никто не выходил оттуда до момента трагедии. Вы это абсолютно точно утверждаете? Ведь вы же не наблюдали за ее дверью все утро? Так?

– Так, конечно. Но у нас лифт очень шумно работает. Всегда слышно, когда на нашем этаже останавливается. На нашей площадке еще две квартиры. В одной уже полгода никто не живет. Что-то там хозяева ее продают, перепродают. Сейчас ведь как... Сами знаете. Новые магазины открываются, через месяц закрываются. В некоторых квартирах хозяева без конца меняются. Так сказать, новый стиль жизни, будь он неладен.

И как бы в подтверждение ее слов из комнаты раздалось:

– Всю стррану ррасташили, гады. Гррабители, – выразил Гоша свое и хозяйкино политическое мировоззрение и добавил: – Трриста ррублей. Как жить? Как жить? Хорроший Гоша.

– А в другой, – не обращая внимания на пламенное выступление своего питомца, продолжала старушка, – скоро месяц как нет никого. Она отдыхает за границей. На островах каких-

то. Ныне-завтра вернется. Я туда хожу цветы поливать. Так вот, в тот день я лифта не слышала. Не останавливался он на нашем этаже, пока Галя не приехала.

– Хорошо. Понятно. А если бы кто-то поднялся по лестнице, то вы могли и не знать. Я правильно понимаю?

Старушка пожала плечами.

– Да кто ее знает? У нас слышимость хорошая. Если бы к Ангелине позвонили в дверь, я бы тоже услышала.

– А Галину Николаевну вы знаете лично?

– А как же. Такая умница. Очень хорошая женщина. Она уж и мне сколько раз помогала. У меня ведь нет никого, кроме Гоши. Муж пять лет как помер. А детей у нас не было.

Гоша, услышав свое имя, снова вмешался в наш диалог:

– Как жить? Хорроший Гоша.

– Она все для Ангелины делала. Ее же внучка бросила. Старуху парализовало. Нет чтобы бабушку к себе взять. А она чужого человека наняла. Ангелина, правда, никогда не жаловалась. Святым человеком была. Царствие ей небесное, – старушка перекрестилась. – Это вот хорошо, что такая Галя нашлась. А другая-то неизвестно как бы ухаживала. Деньги только драла бы, да и все. А эта на совесть ухаживала. Недаром Ангелина ей квартиру завещала.

– Скажите, Анастасия Петровна, а Ангелина Васильевна говорила вам, что собирается завещать свою квартиру Галине Николаевне?

– Нет. У нас с ней не было такого разговора. Она внучку безумно любила. Я ей все пыталась глаза открыть. А она: «Я сама не хочу к ним переезжать. Их дело молодое». Но я-то знаю, как одной плохо. Думаю, что она внучку просто пыталась оправдать. Так-то вот. А Галя ей всю душу отдавала. Она и ко мне ходит. А ведь ей за это никто не платит. Человек хороший, и все тут.

– Хорроший Гоша. Хорроший. Триста ррублей. Как жить? Как жить? – вновь вмешался досужий Гоша.

– Может, чайку поставить?

– Да нет, спасибо, Анастасия Петровна. Вы мне скажите, пожалуйста, кто-нибудь, кроме Наташи, Валеры и Галины Николаевны, к Ангелине Васильевне приходил?

– Иногда с Галей Илюша приходил. Они работают вроде как вместе. Очень приятный молодой человек. Он мне для Гошеньки клетку новую сделал. У меня-то маловатая была. А эта просторная. Гошке нравится. И колокольчик повесил. «Вот, – говорит, – баба Настя, сам, своими руками». Он тоже вроде врач. Ангелину лечил. Уж она им довольна была. Все о его таланте говорила. Но в день ее смерти Илюша тоже не приходил. Они ведь всегда, когда к ней приходили, ко мне заглядывали. То за хлебушком сходят, то за молочком. А в тот день Галочка прибежала сама не своя: «Баба Настя, иди скорей. Что делать-то? Баба Лина умерла!» А сама белая как мел. Плачет. Я туда скорей. А она, сердешная, одна-одинешенька. Померла соседushка. Повторный удар, видать. Ежели бы ее внучка была порядочным человеком, разве ее бабка померла бы в одиночестве? Скажите мне, милая: права я?

Я пожала плечами.

– Возможно.

– Прравильно говоришь. Хорроший Гоша. Иди поцелую.

– Говорливая у вас птичка.

– Это верно. Он у меня правдолюбец, сердешный. Все как есть понимает. Умный до невозможности. Галя его тоже полюбила. Говорит: «Баба Настя, я таких умных попугаев ни разу не видела». Вот так, – закончила свою речь старушка, царапая ножом пластиковую крышку стола. Я подумала, что больше ничего полезного узнать от Анастасии Петровны мне не удастся. И поднялась.

– Спасибо вам, Анастасия Петровна. Вы мне очень помогли. А вы не знаете случайно, как фамилия Ильи и где он живет?

– И-и, милая. Зачем мне знать? Я разве к нему в гости собираюсь? Вот поможет, чем может, – и на том спасибо.

– Понятно. – Я вышла в прихожку и, надевая пальто, сказала старушке: – Зря, Анастасия Петровна, вы так чужим людям доверяете. Мало ли что у них на уме.

– А что с меня взять-то? Богатств у меня никаких. По молодости мы со стариком хорошо жили. Работали оба, хорошо зарабатывали. У меня золота много было. А теперь вот распродала все. Пенсии не хватает. Жить-то надо как-то. Я же только триста рублей получаю. Поди проживи на них.

– Триста ррублей. Как жить? Как жить? Гррабители, – снова зачирикал Гоша.

– Вот с Гошкой и ведем дебаты. С кем же еще? А взять с меня нечего. Это просто они люди заботливые. У нас, говорят, работа такая: о людях заботиться.

– Проходимцев много сейчас, Анастасия Петровна. Для них жизнь человеческая ничего не значит. Ради выгоды отца родного убьют. А прикинутся такими овечками, что и не подумаешь.

– Эти не такие. Свое последнее отдадут.

– Блажен, кто верует. Хорошо, если они действительно такие бескорыстные. Всего вам доброго, Анастасия Петровна.

– До свидания, милая. Ежели что надо будет, заходите. Покалякаем.

– Спасибо.

Старушка закрыла за мной дверь. А я без шума проникла в квартиру Ангелины Васильевны Храмовой и сразу прошла на кухню. Стандартная обстановка, как в каждой тарасовской квартире. Стол у окна. Слева от двери – полочка с телефоном. Справа – навесные шкафы.

Вот тут, напротив окна, если судить по фотографиям, которые приложены к делу, сидела Ангелина Васильевна в момент своей смерти.

Обстановка, конечно, гораздо более современная, чем у Анастасии Петровны. И телефон посовременнее – с кнопкой – регулятором звука. Фиш-хук называется. И все чистенько. Можно и ремонт не делать. И ничто не напоминало о случившемся. Жаль, что предметы не умеют говорить. Они бы, наверное, очень многое могли порассказать.

* * *

Ничего достойного внимания я не обнаружила. Свидетельские показания не приоткрыли завесу тайны. Хотя почему не приоткрыли? Французы говорят: «Шерше ля фам – ищите женщину». А тут получается «Ищите мужчину». Пока что это – единственная зацепка.

И еще. Передо мной стояла дилемма – встречаться ли с Галиной Николаевной или сначала потихоньку понаблюдать за ней. В этом вопросе мне, конечно, помогут кости. Из лифта я вышла с твердым намерением погадать и, сев в машину, осуществила задуманное.

Так что, косточки, познакомиться мне с Юрченко или понаблюдать за ней? Ваше мнение? Как скажете, милые, так я и поступлю. Выпала комбинация 21+33+2 – «Интересующая вас особа – человек показной нравственности».

Вот как? Забавно. Ладно. Объявимся, но не представимся. Если Юрченко – человек в маске, то и мне надо сделать то же самое.

Элементарно, правда, милые? А теперь – вам отдыхать, а мне было бы неплохо где-нибудь перекусить. Желудок лает. Но это можно осуществить по ходу дела. Офис «Мама-плюс» находится на первом этаже гостиницы «Олимпия» по соседству с рестораном и кафе под тем же названием. И хотя шикарные гонорары мне вряд ли перепадут, с хлеба на воду перебиться хватит с прошлого дела.

Глава 4

В кафешке было многолюдно. Прогулявшись между столиками, я потеряла надежду найти свободное место.

И вдруг в глубине зала раздался приятный баритон:

– Эй, беби. Место напротив меня свободно. – Я взглянула на говорившего. Симпатичный мужчина.

– Благодарю.

Я заняла место напротив него и, взяв со стола меню, бегло с ним ознакомилась.

– Что угодно, девушка? – Передо мной стояла юная очаровательная брюнетка в белом фартучке и наколке.

– Салат из помидоров, бифштекс и сок какой-нибудь.

Она записала все в блокнотик и удалилась.

Я заказала столь скромный обед по той простой причине, что желание похудеть возгорелось во мне с новой силой.

– Бифштексы здесь классно готовят. – Парень пил сок из высокого стакана и, глядя на меня, улыбался. – А я вас, по-моему, не видел здесь раньше.

– Нет, не видели. Да и какая разница?.. – я пожала плечами. – Видели, не видели. Я бываю там, где мне на данный момент необходимо. И у меня в Тарасове нет мест, к которым я питаю особое пристрастие. Разве что парк культуры и отдыха. И то потому, что в связи с занятостью я там не бываю. А лишь мечтаю, что когда-нибудь приду туда и бесцельно поброжу. Лучше, конечно, летом. Можно на лодке покататься, – я улыбалась.

Приятный мужчина. Видите, дорогой читатель, я стала излишне словоохотливой. Наверное, потому, что вопрос с салатом и бифштексом пока висел в воздухе. А ожидание – процедура не слишком приятная. Скрашивать его рассматриванием ногтей с самым сосредоточенным видом неинтересно. А вот ни к чему не обязывающий светский разговор – это кое-что получше. Тем более с таким очаровашкой, как мой собеседник.

– А я, к примеру, консерватор. И обедать предпочитаю именно в этом кафе. – Обладатель приятного баритона снова не спеша отхлебнул из стакана и открыто улыбнулся.

Официантка принесла мой обед, и я, расплатившись, принялась за еду.

Сосед взглянул на часы. Но, судя по его неторопливому употреблению сока, время, видно, у него еще было.

Ему явно хотелось поболтать со мной о том о сем, и, сверкая белозубой улыбкой, он сказал:

– Хотите, я угадаю, кем вы работаете?

Я пожала плечами. Вообще-то, мне совсем не хотелось, чтобы люди с первого взгляда могли определить, что я частный детектив. И мне стало интересно:

– Валяйте.

– Вы журналист.

Я рассмеялась:

– Молоко.

– Немудрено ошибиться. Я все же не бабка-гадалка. Я – специалист по недвижимости. Вообще-то, по образованию я почти медик. Институт не закончил – пороха не хватило. Видно, судьба. И это к лучшему. Зарплаты медика мне бы и на сигареты не хватило.

Я кокетливо улыбнулась ему и погрозила пальчиком.

– Как почти медик вы должны знать, что много курить вредно.

Наш светский треп помогал, похоже, и ему скрашивать бесцельно текущее время. Думаю, это было время его обеденного перерыва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.